

Глава 6. Визит к двум дядьям

Ночь прошла безмятежно. Едва вошло солнце, Дайюй и Линь Лан поднялись, наспех позавтракали и вместе отправились засвидетельствовать почтение Матриарху. На сей раз Дайюй, помимо верной Цзыцзюань, взяла с собой Жуи и Жусинь. Заметив новых служанок в её свите, Линь Лан облегчённо вздохнул: больше всего он опасался, что сестра замкнётся в себе, откажется принимать чужих людей и будет доверять одной лишь Цзыцзюань.

По дороге они встретили остальных барышень и пошли к Старой госпоже шумной, весёлой гурьбой.

Матриарх, завидев их вместе, расплылась в улыбке. Сердце её наполнилось радостью: ей показалось, что Линь Лан всем сердцем тянется к родному гнезду матери. Она тотчас усадила внука на почётное место, велела поднести свежих плодов и лучшего чая. Юноша с благодарностью принял угощение.

Ван Сифэн, приметив благоволение Матриарха, тут же принялась расточать Линь Ланю похвалы:

— Все в один голос твердят, будто у нашей сестрицы Линь ум острый, как бритва. Но, как по мне, её братец Линь и вовсе видит людей насквозь! Все эти шпильки и диковинные игрушки, что он подарил моей дочурке, пришлись ей так по душе! Вчера весь вечер не выпускала из рук плюшевого зверя, так с ним в обнимку и уснула — насилиу отобрали!

Линь Лан с улыбкой ответил:

— Раз барышне так понравилась забава, я велю прислать ещё пару штук, чтобы их можно было менять, когда придёт пора стирки.

— Ох, вот это милость! — рассмеялась Ван Сифэн. — Отказываться не стану. Что бы вы ни прислали, коли дитя радуется, дарите смело — а уж за мной не заржавеет, всё приму!

Матриарх шутливо погрозила ей пальцем:

— Поглядите на неё! Гость из вежливости предложил безделицу, а она и рада пасть разинуть. Смотри, лопнешь от жадности!

Комната залилась дружным смехом. Глаза Линь Ланя весело блеснули:

— Раз невестка не брезгует моими скромными дарами, буду слать без счёта. Только чур потом не выбрасывать, ежели они вам наскучат!

— Будь спокоен, братец, — парировала Ван Сифэн, — мне любой твой подарок мил!

В этот момент в покои вошёл Баоюй. Наспех поклонившись Матриарху, он тут же подбежал к Дайюй и без лишних церемоний схватил её за руку:

— Почему ты вчера не открыла мне дверь? Обещала ведь только приглядеть за багажом, а сама там и осталась!

Дайюй мягко, но решительно высвободила руку и холодно ответила:

— Ты пришёл слишком поздно. Я уже легла и не стала подниматься. Мой брат приехал, и вполне естественно, что я поселилась вместе с ним. Стоит ли об этом расспрашивать?

Баоюй вспыхнул от досады:

— Да что с тобой стряслось? Прежде мы делили и стол, и постель, а теперь ты дичишься меня ради какого-то чужака?

Дайюй даже не взглянула на него:

— Это не чужак, — отчеканила она. — Он мой родной, единоутробный брат!

От этих слов Баоюй затревожился пуще прежнего. Он принялся юлить перед ней, заглядывать в глаза и лепетать извинения, уверенный, что ненароком обидел её.

При виде этого жалкого лепета госпожа Ван поморщилась в душе. Пальцы её крепче стиснули шёлковый платок, но лицо осталось бесстрастным, словно застывшая маска.

— Старая госпожа, — невозмутимо подал голос Линь Лан, — я ослышался, или Брат Бао только что упомянул, будто они с Юй-эр делили ложе? Что это значит?

Говорил он спокойно, ровным тоном, по которому невозможно было угадать, гневается он или просто удивлён.

Матриарх сразу поняла, что Линь Лан щадит чувства хозяев и не хочет скандала. Она поспешно замахала руками:

— Полно тебе, дитя! Глупости он болтает. Хоть они и двоюродные, где это видано, чтобы подростки девица и отрок спали вместе? Обычные детские бредни.

Убедившись, что старая дама прекрасно понимает непристойность ситуации, Линь Лан не стал

настаивать. Он поднялся с места и учтиво поклонился:

— Вчера мы прибыли слишком поздно, и у меня не выдалось случая засвидетельствовать почтение моим уважаемым дядьям. Позвольте узнать, свободны ли они сейчас?

— Твоя правда, — кивнула Матриарх. — Невестка Син, ступай, отведи племянника к своему супругу.

Госпожа Син покорно откликнулась и повела Линь Ланя наружу. Накануне он преподнёс ей куда более щедрые дары, нежели госпоже Ван, и теперь старшая тётушка буквально сияла от признательности — юноша выказал уважение старшей ветви семьи, чего в этом доме почти никто не делал.

Они миновали извилистые крытые переходы, пересекли несколько просторных дворов. Наконец госпожа Син ласково обратилась к нему:

— Ещё несколько шагов — и на месте. Не притомился ли ты с дороги, племянник?

— Ничуть, дорогая тётушка, — почтительно отозвался Линь Лан. — Благодарю вас за заботу.

Госпожа Син благожелательно кивнула. Вскоре они подошли к Восточному подворью. Линь Лан заметил, что хотя этот уголок поместья и соседствовал с конюшнями, убранство его поражало пышностью. До величия Зала Жунси здешние покои недотягивали, но в их кричащем великолепии сквозила своя, особая причудливость.

Хозяйка пригласила гостя войти и тотчас послала слугу известить супруга, а сама присела составить племяннику компанию за праздной беседой.

Вскоре в комнату неспешной, вальяжной походкой вошёл Цзя Шэ. Линь Лан тотчас поднялся навстречу:

— Племянник приветствует почтенного дядю!

Цзя Шэ едва перешагнул сорокалетний рубеж, однако выглядел изнурённым и болезненно бледным. На его лице лежал отчётливый отпечаток праздности, излишеств и бесконечных кутежей.

Дядя сделал несколько шагов навстречу и удержал племянника от низкого поклона:

— Полно, мы ведь одна кровь. К чему эти церемонии?

— Родственные узы свящённы, дядя, но правила приличия нарушать негоже, — Линь Лан выпрямился и мягко улыбнулся.

Цзя Шэ с напускной важностью погладил ухоженную бородку:

— Твоя правда. Сын достойного мужа.

Секрет внезапного дружелюбия крылся в том, что накануне Цзя Шэ подробно расспросил сына и супругу о молодом госте и теперь твёрдо вознамерился снискать расположение Линь Жухая. Когда-то давно, при первом приезде Дайюй, он даже не удосужился выйти к ней: девчонка, что с неё взять? Но времена изменились, и нынешнее положение дел казалось Цзя Шэ не просто нелепым — оно связывало его по рукам и ногам. Семья младшего брата, Цзя Чжэна, и думать не желала о том, чтобы освободить Зал Жунси. Слуги-прихлебатели в один голос славили вторую ветвь, окончательно задвинув в тень законных наследников титула.

Ныне в столице под «домом Цзя» разумели исключительно вторую ветвь, его же, старшего господина Шэ, почитали за пустого повесу и никчёмного гуляку. Дошло до того, что его собственный сын с невесткой безвылазно служили управителями при чужом дворе!

Внезапный приезд Линь Ланя показался Цзя Шэ благословенным даром небес. Ему было глубоко безразлично, глуп юноша или умен; главное — через него можно было наладить связь с влиятельным Линь Жухаем.

Распалась от этих мыслей, Цзя Шэ заговорил с племянником на удивление ласково, то и дело спрашивая о его здоровье и удобствах. Линь Лан отвечал учтиво и гладко, но в душе его крепло недоумение. Вчера сестра обмолвилась, что по прибытии старший дядя даже не показался ей на глаза, да и впредь они почти не виделись — в отличие от радушного второго дяди. Отчего же теперь этот барин так суетится? Верно, хочет о чём-то попросить.

«Что ж, — усмехнулся про себя Линь Лан. — Раз помалкивает, то и я буду прикидываться простаком».

Беседа потекла дальше. Госпожа Син незаметно удалилась, оставив мужчин наедине. Они толковали о старинных свитках, каллиграфии, бронзе и редких яшмовых изделиях. Цзя Шэ на удивление держал лицо, ведя неспешный светский разговор и не выдавая истинных намерений. Линь Лан же чувствовал себя свободным как ветер — терять ему было нечего, а потому беседовал он легко и непринуждённо.

Поначалу Цзя Шэ планировал лишь слегка прощупать почву, а затем ловко перевести разговор на домашние неурядицы. Однако племянник, несмотря на свои двенадцать лет, выказал поразительную зрелость ума. О чём бы ни заходила речь, он рассуждал глубоко и тонко.

Пригубив чаю, Цзя Шэ вознамерился было продолжить интеллектуальное состязание, но Линь Лан уже начал утомляться. Поклонившись, он мягко проговорил:

— Беседа с вами, почтенный дядя, доставила мне невыразимое удовольствие. Однако долг велит мне нанести визит и второму дяде. Позвольте откланяться и не взыщите за спешность.

Цзя Шэ, не желая отпускать его так быстро, возразил:

— К чему спешка? Нынче у всех день отдыха. Обойдётся твой второй дядя, если ты отобедаетшь у меня, а уж после отправишься к нему.

— Мне следовало выразить своё почтение ещё вчера, — покачал головой Линь Лан. — Лишь дорожная пыль да усталость послужили мне оправданием. То, что я отложил визит до утра — уже великая оплошность, так могу ли я медлить дальше?

Видя, что племянник непреклонен, Цзя Шэ не стал настаивать:

— Что ж, коли так, не смею неволить. Но в другой раз мы непременно засядем подольше, и чур без отговорок!

— Почту за честь, — Линь Лан поднялся и отвесил глубокий поклон. — Стоит вам приказать, и я тотчас явлюсь.

Удовлетворённый таким ответом, Цзя Шэ лично проводил юношу до порога и велел слуге проводить его к покоям Цзя Чжэна.

Лишь оказавшись на улице, Линь Лан смог наконец перевести дух.

«А старший дядя вовсе не так прост, как малюют его слухи, — размышлял он на ходу. — Прослыл гулякой, а в древностях и каллиграфии толк знает. Ещё немного, и я бы точно сел в лужу. Прав отец: старый имбирь всегда острее. Опыт не пропьёшь».

«И всё же, почему он то и дело сводил разговор к семейным правилам и чинам? — размышлял он дальше. — Ах, вот оно что... Наверняка надеется, что отец вмешается и поможет ему вернуть законное положение в доме. Да уж, в этом поместье чёрт ногу сломит».

Углубившись в размышления, Линь Лан нахмурился. Суровый, сосредоточенный вид лишь придавал его юному лицу значительности. Слуги и приживалки, попадавшие навстречу, почтительно расступались, вполголоса восхищаясь благородной осанкой и величественным видом молодого гостя.

Хэлэ, шедшая чуть позади, едва сдерживала улыбку при виде этих восторженных взглядов. Кому, как не ей, было знать своего молодого господина? Наверняка он сейчас просто витал в облаках, обдумывая какую-нибудь очередную глупость!

Так они и шли: господин блуждал в лабиринтах семейных интриг, служанка предавалась весёлым мыслям — разные дороги привели их к одной и той же задумчивости.

— Молодой господин Линь, за этими воротами начинается внешний двор. Ещё немного — и будет кабинет второго господина, — робко проговорила служанка, присланная Цзя Шэ.

Хэлэ мягко перехватила её за руку и незаметно вложила в ладонь увесистый серебряный слиток в один лан:

— Спасибо тебе, сестрица, за труды. Наш господин просит тебя выпить чаю за его здоровье.

Девушка отродясь не видела такой щедрости за простую услугу. Она так и рассыпалась в благодарностях, торопливо кликнула дворового мальчишку, чтобы тот вёл гостя дальше, а сама поспешила обратно.

Служанка шла и сияла от счастья. Шла на тяжёлую, казалось бы, повинность, а вернулась с целым богатством!

«Не врани, значит, вчера бабы, — думала она, сжимая в кулаке серебро. — Болтали, мол, молодой господин Линь осыпает всех золотом да шелками, а я, глупая, не верила. Тут за пару шагов целый лан отсыпали!»

Пока девчонка бежала хвастаться подругам своей невиданной удачей, Линь Лан уже подошёл к дверям кабинета Цзя Чжэна. Ожидая, пока слуга доложит о его прибытии, он пригладил волосы и оправил платье — день выдался жарким, и короткая прогулка заставила его слегка взмокнуть.

Наконец двери распахнулись. Войдя, Линь Лан почтительно сложил руки:

— Племянник Линь Лан приветствует уважаемого дядю.

Цзя Чжэн сдержанно кивнул и жестом велел ему подняться. Оказалось, второй господин был не один — в кабинете толпились его неизменные приживалы-литераторы. Эти господа, наточившие зубы на лести и славословиях, едва завидели статного и благовоспитанного юношу, тут же принялись превозносить его до небес, соревнуясь, кто назовёт его более изысканным чудом подлунного мира.

Линь Лан, смущённый столь явным преувеличением, скромно ответил:

— Благодарю вас, почтенные наставники, за столь высокую милость, но я слишком юн и недостоин таких похвал.

Цзя Чжэн, отложив кисть, сухо проговорил:

— Полно вам, господа, захвалите мальчишку, он и нос задерёт. Неизвестно ещё, каков он в науках. С виду-то пригож, да в голове-то что?

Линь Лан смолчал, никак не выдав обиды. Он лишь мягко улыбнулся и замер, демонстрируя безупречную выправку истинного наследника знатного рода.

— Какие книги ты сейчас изучаешь? — спросил Цзя Чжэн.

— Отвечая на ваш вопрос, дядя: ваш покорный племянник едва закончил изучение Четверокнижия, да и то не дерзну утверждать, что постиг все его глубины.

Цзя Чжэн одобрительно прищурился:

— Для твоих лет одолеть Четверокнижие — уже немалый труд. Позволишь ли мне задать тебе пару вопросов?

— Буду счастлив держать ответ перед вами, дядя, — склонил голову Линь Лан.

— Скажи мне, — начал Цзя Чжэн, — в чём суть «постижения первоосновы»?

Линь Лан без запинки ответил:

— «Лживый не сможет излить свои речи до конца, ибо благоговеет пред волей народа. Сие и зовётся постижением первоосновы». Учитель Кун говаривал: «Судить тяжбы я могу не хуже других, но важнее сделать так, чтобы тяжб вовсе не возникало». Стало быть, постичь первооснову — значит узреть корни человеческих пороков, смирить людские сердца добродетелью и искоренить само зло в зачатке.

Вопрос Цзя Чжэна касался трактата «Великое учение», и ответ юноши — с точной цитатой, каноническим толкованием и собственными зрелыми размышлениями — оказался безукоризненным.

Второй господин задал ещё несколько вопросов. Линь Лан отвечал уверенно, легко сыпал цитатами из классиков и приводил глубокие доводы. Сердце Цзя Чжэна таяло от удовольствия.

Приживалы, уловив настроение покровителя, разразились новой лавиной славословий. Цзя Чжэн для приличия отнекивался, но в душе так и раздувался от гордости за родственника. Наконец, вспомнив, что перед ним всё же ребёнок, утомлённый долгой дорогой, он отослал гостей прочь, желая поговорить с племянником с глазу на глаз.

— Кто твой наставник? — поинтересовался он. — И как твой отец распорядился твоим дальнейшим учением в столице? Если возникнет нужда, твой старый дядя всегда готов подыскать достойного учителя.

— Первые уроки мне давал отец, — мягко пояснил Линь Лан. — Но когда государственные дела поглотили его без остатка, он препоручил меня заботам учителя Линъюнь-цзы. К счастью, почтенный мастер не пренебрёг моим скудным разумением и взял меня в ученики. Прошлой осенью его призвали ко двору, и ныне он служит в Академии Ханьлинь.

Цзя Чжэн даже приподнялся с места:

— Как! Сам господин Лин — твой наставник?!

Среди великих учёных современности Линъюнь-цзы по праву считался первым мужем Поднебесной. В прошлом году сам Император призвал его во дворец наставлять принцев, и августейшие сыновья выказывали ему глубочайшее почтение как первейшему учителю. Цзя Чжэн слышал, что Линъюнь-цзы прибыл из Гусу, но и помыслить не мог, что Линь Лан ходит в его прямых учениках!

— Истинная правда, дядя, — скромно улыбнулся Линь Лан. — Перед отъездом учитель оставил мне свитки с заданиями, кои я к настоящему дню полностью завершил. Если не случится непредвиденного, по прибытии в столицу я продолжу обучение под его руководством.

Цзя Чжэн с благоговением погладил бороду:

— Да, это великое благо. Великое благо.

— А как обстоят дела с экзаменами? Успел ли ты заслужить ученую степень?

— Пока нет, — ответил юноша. — Наставник считает, что я ещё слишком молод, и советует укрепить разум, прежде чем пробовать силы на испытаниях.

— Мудро, весьма мудро, — закивал Цзя Чжэн.

Они побеседовали ещё немного. Заметив, что солнце поднялось к самому зениту, Цзя Чжэн настоял, чтобы племянник разделил с ним полуденную трапезу. Лишь после обеда, обменявшись любезностями, Линь Лан откланялся и покинул гостеприимный кабинет.